

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

вып. XVI

ПА М И Р

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

В. А. Ранов

ПАМИР И ПРОБЛЕМА ЗАСЕЛЕНИЯ ВЫСОКОГОРИЙ АЗИИ ЧЕЛОВЕКОМ КАМЕННОГО ВЕКА

Изучение каменного века Памира является частью сложной проблемы освоения человеком истории горных стран «Высокой Азии». Под этим географическим понятием мы условно объединяем горные области Памиро-Алая, Тянь-Шаня, Куньлуня, Каракорума, Гималаев, Тибета, Сино-Тибетских гор, одним словом горный пояс, обрамляющий Центральную Азию с юга и северо-запада. За исключением южных склонов Трансгималайских хребтов, все это аридная зона, состоящая из отдельных регионов, отличающихся резким своеобразием как в плане орографии, геоморфологии, так и климата, современной фауны и флоры. Можно уверенно сказать, что перед нами один из наиболее труднодоступных районов земного шара, в котором современному (а тем более первобытному) человеку приходится сталкиваться с очень тяжелыми условиями существования.

Благодаря работам Памирского отряда Таджикской археологической экспедиции (ТАЭ) в 1956—1960 гг., а позднее — исследованиям Палеолитического отряда Киргизской археологической экспедиции (КАЭ) (1967—68 гг.) высокогорные области Средней Азии являются в настоящее время наиболее полно исследованными (в плане изучения памятников каменного века) областями Высокой Азии. Действительно, ни работы в Сино-Тибетских горах (Д. Эдгар, Г. Буль и др.), ни поездки в западную часть Сычуани Д. Андерсона, ни сведения, сообщаемые о южных склонах Гималаев Х. де Терра и относящиеся к первой половине нашего века, не могут идти ни в какое сравнение по своим масштабам, методике обработки и интерпретации с полученным материалом¹.

Небольшие сборы китайских геологов в Восточном Тибете и на Цинхайском плато, опубликованные в 1958, очень незначительны количественно, к тому же вряд ли правильно интерпретированы [54; 37, 102]. Более поздними данными о стоянках каменного века в Тибете мы не располагаем, нет их и в недавней сводке Чен Те-Куна [52]. На сравнительно низких абсолютных высотах ведутся исследования на южных

¹ Литературу см. [37].

склонах Гималаев — в Бурзахоме (Кашмир), где на высоте 1600 м сейчас раскапывается поздненеолитическое поселение [47], и в районе города Дарджилинга в Западном Бенгале, расположенном на близкой высоте. В последнем случае найдены полированные топоры неолитического характера [57]².

Таким образом, только на примере Средней Азии может быть рассмотрена динамика заселения горной страны человеком и освоение человеком каменного века различных высотных поясов.

Каковы были причины, заставлявшие первобытные племена покидать расположенные на низких уровнях благодатные долины, удобные для жизни и передвижения, и предпринимать далекие и часто небезопасные путешествия в горы? Все данные, которые можно получить, говорят о значительном расчленении рельефа горных долин, ведущих к Памиру, по крайней мере со второй половины плейстоцена.

К сожалению, на сегодняшний день еще нет конкретных материалов для реконструкции действительных причин, вызывавших эти передвижения. Можно лишь высказать несколько общих предположений.

1. *Сезонные миграции охотничьих племен.* Как нам уже неоднократно приходилось говорить, стоянки, открытые на Памире, имеют характер сезонных поселений [37, 108—109], и можно думать, что в различные эпохи каменного века, люди, жившие в долинах, поднимались в горы в поисках хороших охотничьих угодий. Подобные охотничьи походы характерны и для более раннего времени. В указанном Г. Кларком примере речь идет о сезонных перекочевках северных оленей, поднимавшихся летом в горы Шлезвиг-Гольштейна; вслед за ними приходил сюда и человек, о чем свидетельствуют летние временные стоянки, найденные в этой области [12, 37].

Из всей современной фауны Памира, насчитывающей 21 вид млекопитающих и 48 гнездящихся птиц [42], только копытные: центральноазиатский козел (*Capra sibirica* Meyer) и центральноазиатский баран (*Ovis ammon* L.), обитающие на Памире и в настоящее время, могут представлять в этом плане интерес. Однако история и формирование животного мира интересующей нас области освещены только в области орнитофауны. Интересная работа Р. Л. Поталова показывает, что последняя формировалась на памирском нагорье в течение всего антропогена [21]. Что касается фауны млекопитающих, то в этом вопросе общепринятым считается предположение о том, что памирский зоогеографический участок, включающий Алайскую долину и нагорье Памира, не имеет в своей фауне характерных черт, присущих только этому региону [42, 454]. Упомянутые выше копытные имеют очень широкий, исторически сложившийся ареал распространения (в частности, козлы-тэке — от Северной Индии и Гиндукуша до Саян и среднеазиатских гор). Область распространения козлов, ограниченная высотами 2700—5500 м, связана летом с наиболее высокими горными ущельями. Несомненно ниже этого уровня обитает баран.

Оба животных достаточно широко распространены в горах Средней Азии, особенно в Памиро-Алае. Поэтому никаких следов сезонных или многолетних перекочевок больших масс этих животных на Памир в настоящее время не отмечается. У нас нет фаунистических остатков и в древних памятниках, которые могли бы говорить о подобных передвижениях.

Как показывает фауна, полученная при раскопках стоянки Ошхона,

² В последнее время, уже после сдачи в печать настоящей статьи, появилось сообщение Х. Д. Санкалия о находках древнего палеолита у Пахлгана в Кашмире [64а, 42—61].

специализированной охотой люди маркансуйской культуры не занимались — состав животных, служивших им пищей, достаточно разнообразен: наряду с костями козлов и баранов имеются кости грызунов и птиц. Небольшое количество костей, добытых из культурных слоев Ошхоны и скальных убежищ Куртекесая, не позволяет произвести процентные подсчеты.

Поэтому обосновывать появление людей на памирском высокогорье причинами, связанными с сезонными или многолетними передвижениями фауны, очевидно, нельзя. Но вполне возможно, что первобытных людей на Памир привлекал не приход сюда животных, на которых они охотились и ниже, и даже не количество этих животных, а возможность использовать более легкие и удобные способы охоты на них³.

2. *Экологические причины.* Реконструкция процесса изменения экологических условий в различные периоды каменного века в Средней Азии в настоящее время вряд ли возможна. Наиболее подробно вероятные колебания климата и соответственно природной обстановки в эпоху позднего плейстоцена — голоцена рассмотрены для Памира [1; 40; 41; 43]. Для окружающих областей подобные материалы очень скудны и пока единичны [15]. Нет данных и о влиянии человека каменного века на природу — изменений во внешнем окружении, вызывавшихся, скажем, ростом населения той или иной области, т. е. возникновения фазы нарушения равновесия между человеком и окружающей природой, что должно вызывать изменение жизненного строя общества и, в частности, поиски новых мест для заселения.

3. *Социальные причины.* Работы последних лет с достаточной полнотой показали, что еще в эпоху палеолита существовали сложные социальные отношения внутри человеческих объединений. Возникновение племени отодвигается далеко в глубь человеческой истории — в мустье-ерское время [8]. Уже с эпохи мустье существуют определенные территории, занятые неандертальскими «предплеменами». Эти тенденции к ограничению территории, занятой определенным племенем, в еще большей мере должны проявляться в верхнем палеолите и мезолите. С каждым годом накапливается все больше и больше данных для выявления локальных культур в мезолите и неолите Средней Азии. На территории, занятой тремя большими культурно-историческими общностями: джейтунской, кельтеминарской и тиссарской культурами [19], начинают выделяться более дробные локальные варианты [6; 13].

Последующее накопление фактического материала позволит, надо думать, воссоздать реальную картину сосуществования племен в мезо-неолитическое время и в какой-то степени представить их взаимодействие. Известно, что переселение больших масс людей может вызываться двумя основными причинами: перенаселением данной территории и истощением природных ресурсов. К этому нужно добавить еще и вытеснение основного населения более сильными, многочисленными или лучше вооруженными пришельцами. Действие всех этих трех факторов теоретически возможно для областей, окружающих Памир, но действие любого из них, которое явилось бы предпосылкой для начала освоения высокогорий Памира, на сегодняшний день реконструировать нельзя.

³ Судя по рисункам из грота Шахты [27], в раннем голоцене на Памире могло существовать и третье копытное животное — дикая свинья. Р. Я. Потапов считает, что кабаны могли проникать в те времена на Центральный Памир по тугайным зарослям Аличура и Гунта [21, 114]. Сказанное выше, естественно, относится и к этим животным. Теоретически, конечно, нельзя исключить, что человек каменного века пришел за стадами копытных после стаяния последнего оледенения. Но никаких доказательств этому предположению пока нет.

И, наконец, последнее. Мезолитическая эпоха, к которой относятся основные памятники, открытые на Памире, была временем широкого освоения ранее безлюдных территорий [44, 70].

Итак, рассматривая возможные пути заселения Памира, мы не можем пока объяснить конкретные причины, которые обусловили движение первобытных людей на «Крышу мира».

Вполне вероятно, что Памир в первой половине голоцена находился на более низких абсолютных высотах (Л. Ф. Сидоров считает, что со времени жизни людей каменного века нагорье поднялось на 600—700 м [5]). Но и в этом случае древним людям приходилось жить на достаточно больших высотах в 3500—3700 м над уровнем моря. Как известно, высокогорье оказывает разностороннее действие на организм человека, которое вызвано «усиленной солнечной радиацией, высокой ионизацией воздуха, резкими изменениями влажности и температуры, пониженным атмосферным давлением и низким парциальным давлением кислорода» [4, 4].

Из многочисленных факторов горной среды решающее значение в плане воздействия на человеческий организм имеет низкое атмосферное давление. Так, на высоте 1000 м последнее на 12% меньше, чем на уровне моря, на высоте 2000 м на 22%, на высоте 3000 м на 31%.

В специальных работах, посвященных адаптации человеческого организма к высотным условиям, отмечается, что на одной и той же высоте кислородное голодание проявляется по-разному в разных областях. Так, горная болезнь в Альпах и на Кавказе обычно обнаруживается на высоте 3000 м, в Андах — 4000 м, в Гималаях — 5000 м [4, 19]. Дело, таким образом, не только в самой высоте, но и во всем комплексе природных условий данной области. Для нашей темы интересно следующее заключение: «Независимо от того, являются ли горные плато родиной первобытного человека или он (как думает Реклю) избрал эту родину вторично, переселившись с долин на горные высоты, несомненно, одновысотный климат не является физиологически непривычной средой для организма человека» [4, 174].

Это мнение подтверждается сейчас данными археологии. В СССР стоянки каменного века (в том числе и палеолитические) находятся на Кавказе на высоте 2300—1500 м (местонахождение Ачеги-Бок — 2300, Цонская пещера—2100, местонахождение Джрабер—1800, пещера Кударо 1—1600 м и т. д.)⁴, на Тяньшане первые следы жизни людей эпохи неолита (мезолита?) обнаружены на высотах 3500—2000 м (пункты на оз. Чатыркель — 3600⁵, местонахождения Терек I, Сары-Имек — 3500⁶, пещера Ак-Чункур — 3000, Кочкоракджол (Арпа) — 2800, Он-Арча, Арчалы — 2200⁷ и т. д.).

На Памире стоянки каменного века (мезолит — ранний неолит) зафиксированы от высоты 4200 до 3600 м над уровнем моря (Ошхона — около 4200, Каратумшук, Куртеке — 4100, В. Пшарт — 4000, Бахмал-Джилга — 3800, Мургаб — 3600 и т. д.).

В Алайской долине следы стоянок обнаружены на высоте 2500 м.

В других районах Средней Азии наиболее высокорасположенные памятники связаны с уровнем 1500—2300 м (навес Ак-Танги — 2300, стоянка Шугноу⁸ — 2200, грот Тешик-Таш — 1500 и т. д.). Очень воз-

⁴ Личное сообщение В. П. Любина, за которое приношу свою искреннюю признательность.

⁵ Работа геолога Ш. А. Кыдырова, 1963 г.

⁶ Работы автора, 1968 г. (включают и местонахождение Кочкоракджол).

⁷ Арчалы — работы автора, 1967 г.

⁸ Работы автора, 1968.

можно, что дальнейшие исследования приведут к открытию новых памятников каменного века на значительно больших высотах и вне Памира и Тяньшанских сыртов.

В Тибете и на Цинхайском плато автору известны следующие высокогорные местонахождения каменного века:

местонахождения около Нуайхо (Нарчу), Тото-уан и Нуоуошили (около Тангулагаия в районе истоков Янцзы), расположенные на высоте более 4300 м над уровнем моря, местонахождение на окраине Цинхайской впадины в 100 км юго-западнее города Гагми (Голмо), обнаруженное на высоте 3500 м [54].

Недостаточно данных о других пунктах этого района, в частности, стоянке на окраине деревни Лунцзинькоу (Цинхай), но судя по крашеной керамике каменные орудия, найденные здесь, относятся к более позднему, чем интересующий нас, периоду⁹. Насколько нам известно, не поступило новых данных о черепе древнего человека, который был обнаружен в горных пещерах Тибета [22, 141].

Так же трудно использовать слишком общие сведения о стоянках и отдельных находках изделий каменного века, встреченных в разных районах Тибета, о которых сообщали в разные годы М. Германн [60], П. Ауфшнайтер [48], Ю. Н. Перих [38] и др.

В западной части провинции Сычуань и на востоке Сижкана местонахождения каменного века располагаются в среднем на высоте от 2000 до 4000 м. Основные памятники, обследованные в 20—30-х годах лежат на высоте 3500—3600 м. Но отдельные пункты как К'анг Тинг и Шо-лунг находятся еще выше — в первом случае изделия каменного века найдены на высоте от 4390 до 4420 м, во втором — 4530 м (по-видимому, рекордная высота) [50; 59].

Даже если принять, что многие из упомянутых регионов испытали за последние 10 тыс. лет значительное поднятие (которое максимально не может превышать 500—600 м), все равно, большая часть указанных памятников располагалась в зоне высокогорий и человек, живший на этих высотах, в полной мере испытывал влияние всех неблагоприятных факторов, о которых говорилось выше.

По крайней мере с первой половины голоцена первобытные племена освоили высокогорные области Старого Света. Как сегодня, так и много тысяч лет тому назад ни трудные перевалы через высочайшие хребты мира, ни климат высокогорья не могли их остановить. Вместе с тем археологические данные свидетельствуют о сезонных появлениях мезо-неолитических племен на Памире. Пока нет данных, говорящих в пользу длительного проживания первобытного человека на Памирском высокогорье, — мы не имеем до сих пор стоянок, где были бы обнаружены долговременные жилища, в которых люди могли перенести очень суровую памирскую зиму, даже учитывая все возможные варианты, говорящие о более мягких природных условиях в прошлом [40; 41]. Нельзя исключить, конечно, что в определенные годы, а может быть и десятилетия, племена каменного века проводили весь год на высокогорье, но, повторяем, на сегодняшний день доказательствами этого факта археология не располагает.

Оставляя в стороне высокогорные памятники Кавказа (заметим, что ряд пунктов здесь находится в зоне сильно расчлененного альпийского рельефа, близко к водоразделам, высоко над днищами узких, глубоководрезанных долин), рассмотрим кратко экологические условия,

⁹ См. Цзоу Шэй-чжэн. В Цзунчитай обнаружены следы культуры крашеной керамики. Wen Wu, № 6, 1957, стр. 89 (кит. яз.). Знакомством с этой заметкой автор обязан любезности М. В. Воробьева. Не сопровождалась археологическими находками и антропологические материалы из Линьчжи (долина Цангио, Юго-Восточный Тибет).

в которых могли находиться стоянки «Высокой Азии». Природный комплекс сыртов Тянь-Шаня, Памирского нагорья и Тибета рассмотрен в ряде специальных работ [2; 42; 45; 46].

Тянь-Шань. Сырты представляют собой слабо расчлененные древние денудационные поверхности, в которых отмечаются сыртовые луго-степи в долинах и пояс холодной пустыни на вершинах и склонах сыртовых гряд, а также моренных холмов. Климат холодный, резко континентальный и сухой с низкими температурами, заморозками, небольшой глубиной слоя многолетней мерзлоты. Общие экологические условия приближаются к памирским: растительность совершенно лишенная древесных пород, сильно разреженная, характеризуется распространением луго-степей и степей, которые встречаются в комплексе с кобрезиевыми и беломятликовыми пустошами. Животный мир представлен такими крупными млекопитающими, как горные бараны, горные козлы, медведи, а также лисы, барсуки, зайцы и т. д. Палеогеографические и палеоклиматические данные в сколько-нибудь общем виде отсутствуют. К этой зоне нужно отнести и Алайскую долину.

Памир. Характеризуется как высокогорная пустыня с довольно однообразными ландшафтами, представленными ровными широкими долинами с развитой системой террас. Значительное распространение имеют ледниковые и флювиогляциальные отложения. Почти повсеместно распространена вечная мерзлота. Как и на Тянь-Шане, реки текут в широких неглубоких долинах. Климат резко континентальный со значительными колебаниями температуры в течение суток. Средняя годовая температура — 1°. Зимой абсолютные минимумы температур доходят до —50°. Отличительной чертой климата является его крайняя сухость. Почти круглый год отмечаются сильные ветры. Растительность носит явно выраженный пустынный характер. Древесная растительность отсутствует, кустарниковая встречается лишь на отдельных участках. Местами встречаются луга, но большую часть нагорья занимают полупустынные ассоциации с сильно разреженным растительным покровом, для которых наиболее характерны низкий полукустарничек терескен и полынь. Наиболее распространены из числа крупных животных — горные бараны, козлы, медведи, а также хищники: волк, снежный барс, лисица и т. д.

Имеются два диаметрально противоположных взгляда на развитие климата и характера природных условий Памира в эпоху голоцена. Наиболее четко они выражены в работах Л. Ф. Сидорова и О. Е. Агаханянца. Как первый, так и второй взгляд имеют своих сторонников.

Л. Ф. Сидоров считает, что в раннем голоцене памирское нагорье еще не было поднято до современного уровня и в межгорных пространствах, в поймах рек произрастали тугайные леса, по склонам гор были представлены розарии и арчевники, широкое распространение имели типчаковые степи и луга. Современный облик растительности нагорья приняла сравнительно недавно, уже в историческое время. Соответственно климат, во всяком случае в первую половину голоцена, в связи с меньшей высотой, был более мягким, теплым и влажным [40].

О. Е. Агаханянец и сторонники его концепции считают, что на Памире сухой континентальный климат, близкий к современному, существовал на всем протяжении голоцена. Соответственно и растительность высокогорья, а также и другие элементы природной обстановки приняли настоящий облик еще в верхнем плейстоцене [3].

Тибет. Высочайшее в мире нагорье, охватывающее огромную территорию, подразделяется на несколько физико-географических районов. В связи с упоминавшимися ниже археологическими находками для нас

важна характеристика основной части Северного Тибета — пустыни Чангтан, средняя высота которой около 5000 м. Климат Чангтана отличается сухостью, резко выраженной континентальностью, со значительными среднесуточными амплитудами колебаний температуры. Как и для описанных выше сыртов Тянь-Шаня и Памира, характерны почти непрекращающиеся сильные ветры. Ландшафт представлен равнинами с невысоко поднимающимися над ними хребтами. Распространены галечно-щебнистые поверхности со скудной травянистой растительностью. В восточной части Чангтана, где количество осадков несколько увеличивается, появляется степная или лугово-степная растительность с кустарниками по сухим склонам. Восточная часть плато (особенно юго-восточная) более благоприятна для жизни. Так, юго-восток Чангтана является важным пастбищным районом Тибета.

Все исследователи нагорья отмечают богатую фауну, в составе которой выделяются копытные: як, антилопа-оронго, кианг — животное, близкое к кулану, горный баран. Очень много также грызунов (особенно крупных тибетских сурков). История развития рельефа, фауны и флоры изучена еще недостаточно. Вместе с тем ряд фактов говорит о значительном изменении природных условий за четвертичный период. Об этом, в частности, свидетельствуют генезис фауны и флоры и в особенности многочисленные древние уровни современных озер Тибета. По всей очевидности, перед будущими исследователями этого региона станут те же самые проблемы, которые вызвали острую дискуссию о палеоклимате Памира [ср. 54, 163]. Известные исследователи Азии Х. Д. Терра и Э. Хатчинсон еще в 1934 г. показали, насколько чутко уровни высокогорных озер Ладака реагируют на климатические изменения [64].

В заключение отметим, что, как указывает Б. В. Юсов, несмотря на большую абсолютную высоту Северного Тибета по сравнению с Восточным Памиром, климат первого «в целом все же благоприятнее восточнопамирского, за исключением, быть может, районов севернее 35° с. ш. Это зависит в первую очередь от большего количества выпадающих осадков... на значительной площади Северного Тибета распространена полупустынная и даже степная растительность и имеются отдельные очаги земледелия: об этом же свидетельствует обилие населяющих его диких животных» [46, 95].

Восточный Тибет. (Сино-Тибетские горы). К этой области относятся памятники, упомянутые в сводке Чен Те-Куна по Сычуани. Это истоки великих азиатских рек, которые вначале текут по плоскому или увалистому нагорью, близкому к Чангтану, а затем средний уровень страны (4500—5000 м) снижается. Рельеф приобретает ярко выраженный эрозионный характер. В области речных ущелий растительность верхней зоны от 6000 до 3000 м имеет еще тибетский характер, но на меньших высотах горы одеты еловыми лесами. Выше лесов находятся альпийские луга. Здесь уже четко ощущается влияние природных зон, расположенных южнее.

У западных пределов провинции Сычуань располагаются травянистые степи — часть тибетского плато, а на восток — плато Чжэнду. Реки Ялуцзян и Тао-Ту с притоками прорезали в этих плато узкие долины, которые делятся на два типа: сухие галечниковые долины и долины, поросшие лесом. Археологические находки встречаются чаще в степном поясе, где они отмечаются на абсолютной высоте свыше 3600 м, а также в скальных убежищах на уровнях от 1800 до 3600 м. В климате отмечается влияние влажного и теплого муссона.

Таким образом, частично последняя область отличается от преды-

душих, хотя ее западная часть полностью входит в зону высочайших нагорий мира.

Итак, те еще скудные данные по археологии каменного века высокогорий Азии, которыми располагает наука, свидетельствуют о том, что памятники каменного века «Высокой Азии» открыты в близких экологических условиях и расположены в подавляющем большинстве случаев на высокогорных плато.

Близкое сходство многих элементов природных условий в различные периоды истории развития ландшафтов Памира и Тибета отмечалось неоднократно [2; 41].

Оставляя в стороне вопрос о том, какими были природные условия «Высокой Азии», когда после стаивания ледников последнего крупного оледенения Тянь-Шаня, Памира и Тибета сюда пришли люди, можно уверенно сказать, что первобытные племена сумели преодолеть труднейшие перевалы и проникнуть в самое сердце горных стран Азиатского континента. Можно с большой долей уверенности высказать предположение о том, что расширение археологических работ, бесспорно, приведет не только к новому накоплению материала в уже известных районах, но и к открытию новых пунктов в еще не изученных областях «Высокой Азии» — в частности, на западе Тибета.

Бесспорно и другое — следы людей каменного века должны сохраниться и в районах транзитных путей, которые проходили через горные хребты, с характерными глубоко расчлененными долинами. Возможно, что в некоторых случаях и зоны альпийского рельефа были в это время довольно интенсивно освоены людьми каменного века, которые использовали здесь превосходные условия для охоты.

Другое дело, что в силу закономерностей формирования современных ландшафтов в узких речных долинах, многократно переуглублявшихся, в которых к тому же террасы перекрываются обломочным материалом осыпей, где чрезвычайно сильное развитие получает плоскостной смыв, стоянки каменного века (кроме пещерных) обнаружить можно лишь при счастливых стечениях обстоятельств, способствующих их сохранности.

Именно поэтому вопрос о непосредственных дорогах, по которым прошли на высокогорные плато памирские и тибетские охотники каменного века, оказывается на современном этапе трудноразрешимым.

Есть все основания предполагать, что в горах «Высокой Азии» — на Тянь-Шане, Памиро-Алае, Куньлуне, Гималаях, Тибете, Сино-Тибетских горах существовала близкая по характеру орудий и технике расщепления камня археологическая культура, которая, охватывая огромные пространства и большой промежуток времени, распадается на ряд локальных культур и хронологических группировок.

Памир является одним из центров развития одного из локальных вариантов этой высокогорной культуры, в настоящее время изученным лучше других. Поэтому именно на примере Средней Азии и Памира можно хотя бы в предварительных чертах проследить динамику освоения высокогорной страны людьми каменного века.

Рассматривая особенности строения четвертичных отложений горных долин Средней Азии, Н. П. Костенко выделила 4 геоморфологические зоны, которые расположены на разных высотах и характеризуются различным рельефом, характером и генезисом отложений и т. д. Каждая из этих зон формировалась в различный период, начиная с плиоцена [16]. Принимая во внимание вышеуказанные геоморфологические зоны, а также зоны вертикальной поясности гор Средней Азии (в общих чертах), можно представить себе и движение первобытных пле-

мен, так сказать, «по вертикали», т. е. постепенное, растянутое во времени заселение гор Средней Азии в глубокой древности.

Для решения настоящей задачи можно выделить следующие природные (высотные) зоны: 1. Равнины. 2. Предгорья и крупные впадины-депрессии типа Гиссарской, Ферганской, Сусамырской и других долин. Геоморфологически они распадаются на центральную пониженную часть и предгорное обрамление адыры (piedmont). Абсолютная высота этой зоны не превышает 1000—2000 м над уровнем моря; 3. Зона альпийского, сильно расчлененного рельефа, состоящая из узких V-образных глубоковрезанных речных долин, разрезающих хребты внешней горной зоны. Высота от 500 до 4000 м; 4. Высокоподнятые, слаборасчлененные долины — нижний аккумуляционный уровень высокогорья (сырты Тянь-Шаня, Памирское нагорье). Абсолютная высота от 2000 до 4300 м; 5. Области гребневой денудации — современного оледенения, 4500 и более метров над уровнем моря.

Основные черты культур каменного века рассматривались неоднократно, и поэтому можно отослать интересующегося читателя к уже опубликованным работам [30; 32; 33; 36].

Попробуем «наложить» стоянки каменного века на выделенные выше природные зоны.

1. Равнины. Палеолит известен мало. Это отдельные находки на Красноводском полуострове и сборы А. В. Виноградова в юго-западных Кызыл-Кумах. Особый интерес имеют недавние открытия А. Г. Медоева на Мангышлаке. Не менее важны для будущих работ и исследования того же автора в Центральной Казахстане. Зона распространения мезолита с орудиями геометрических форм, джейтунских (предгорная полоса) и кельтеминарских стоянок.

2. Среднегорные впадины — депрессии. Как внешние предгорья, так и все крупнейшие депрессии были заселены первобытным человеком. Здесь находятся все нижнепалеолитические пункты, а также крупнейшие местонахождения мустье и верхнего палеолита. Это зона существования гиссарской неолитической культуры, а в долинах, выходящих к Амударье в Таджикистане и в Центральной Фергане, — зона стоянок с кремневым микролитондным пластинчатым инвентарем. Геоморфологически стоянки связаны или с речными террасами разных уровней, или с предгорными, сильно расчлененными увалами — адырами.

3. Зона альпийского рельефа. Нижние части внешнего горного обрамления Средней Азии. Узкие, хорошо облесенные ущелья, центральные ветви которых выходят в среднегорные впадины, чрезвычайно удобные для охоты, были хорошо освоены человеком уже в мустьерское время. Абсолютная высота грота Тешик-Таш и пещеры Аман-Кутан — 1500 м. Близки к этой высоте и другие пещерные стоянки. Известны и отдельные открытые местонахождения палеолита и неолита, но они связаны с нижними уровнями ущелий и не встречаются выше, где сохранились следы древних оледенений. Меньше известно о заселении этой зоны в постпалеолитическое время.

4. Высокогорные плато и долины — Тянь-Шань и Памир. Вместе с Тибетом это наиболее высокие уровни жизни первобытного человека на земном шаре. На Памире зафиксировано сейчас 50 пунктов с находками каменного века (карту стоянок см. [37]). Археологическая характеристика материала в основном мезо-неолитического времени будет приведена ниже.

В связи с положением в рельефе, стоянки и отдельные местонахождения Памира можно разбить на три типа: а) связанные с речными

террасами, б) на моренах, в) пещерные. Стоянки на моренах встречаются реже, чем стоянки на террасах, представляющие собой наиболее распространенный тип памятников.

Близки по своему геоморфологическому положению и стоянки Аксайских сыртов на Тянь-Шане (Сары-Имек, Терек I, Чатыркель и т. д.).

5. Зона пригребневой депудации (в основном — субнивальная область). К этой зоне можно условно отнести пещерные стоянки Ак-Чункур на реке Сарыджас в Тянь-Шане (3000 м — неолит?) и Шахты на Памире (4200 м — поздний неолит — бронза). Впрочем, хотя оба памятника и находятся сравнительно близко к водоразделам, они должны входить по своему положению скорее в предыдущую зону. Ничего пока неизвестно о стоянках каменного века в этой зоне для районов внешнего горного кольца Средней Азии (зона 3).

Таким образом, в ряде случаев стоянки мезолитического и неолитического времени находятся в непосредственной близости к современным ледникам.

Что же касается более древних периодов, то этот вопрос рассматривался нами в специальной работе [35]. Судя по данным хронологии, первобытный человек обитал в Средней Азии не только в периоды между оледенениями, но и жил в условиях значительно более суровых — в эпоху усиления оледенения гор Средней Азии. В отдельных случаях палеолитические стоянки находились довольно близко к областям распространения ледникового покрова.

В Средней Азии, которая в четвертичное время не испытывала покровного оледенения, можно выделить две области: горную часть, в которой сохранились следы двух больших оледенений, и внеледниковую область, куда входят все крупные впадины и долины, расположенные на высоте ниже 2000 м.

Все известные на сегодняшний день палеолитические стоянки (доверенные, не вызывающие никаких сомнений археологические комплексы), расположены во внеледниковой зоне. И только с самого конца голоцена начинается более или менее интенсивное заселение высокогорий Средней Азии. Более детальное описание истории освоения человеком каменного века различных высотных зон Средней Азии требует специального исследования.

Прежде чем перейти к археологической характеристике памирского материала, остановимся кратко на данных антропологии. К сожалению, антропологические исследования пока очень мало могут помочь в решении вопроса — откуда пришло на Памир первое его население. И это не только потому, что исследования стоянок каменного века не принесли еще скелетов древнейшего населения Памира, но и потому, что населяющие современный Бадахшан (Западный Памир) и Памир (Восточный Памир) расовые типы сформировались очень поздно, уже в историческое время [20; 39]. Причины развития брахицефалии таджиков Бадахшана совершенно неизвестны; в курганах, оставленных населением начала нашей эры, встречается хорошо выраженный долихоцефальный средиземноморский расовый тип. В. В. Гинзбург, исследовавший черепа из сакских могильников Памира, отмечает, что «саки Южного Памира представляются едиными по происхождению, являясь, по-видимому, самой восточной частью большого антропологического пласта, охватывающего Переднюю Азию, Закаспийскую область и Северную Индию» [7, 37]. Это индоафганский тип средиземноморской расы, причем по ряду признаков автор находит возможным называть его протосредиземноморским.

Интересны для нас и сведения о первых черепаках эпохи бронзы, которые сообщает Т. П. Кияткина. В могильнике Кызыл-Рабат также фиксируется тип, тяготеющий к протоевропеоидному стволу в его переднеазиатском варианте. Чрезвычайно важно, что антропологические связи не совпадают с культурными — Б. А. Литвинский сопоставляет материал из Кызыл-Рабатского могильника с кайраккумской андронидной культурой эпохи бронзы [17], тогда как антропологический тип указывает на юго-западное направление связей.

Вышеизложенное показывает, что мы никак не можем опереться на современный антропологический состав населения Бадахшана и Памира. Более того, есть все основания предполагать, что и антропологические материалы эпохи каменного века в этом районе, которые когда-нибудь будут открыты, мало помогут в решении поставленного вопроса. Как показывает изучение небольшой серии черепов VI тысячелетия до н. э., добытых из неолитического горизонта населения Туткаул в Южном Таджикистане (Т. П. Кияткина), здесь мы также встречаемся с не дифференцированным еще протоевропеоидным расовым типом, распространённым в эпоху мезолита и неолита, т. е. с X до III тысячелетия до н. э., на огромной территории — от Восточного Средиземноморья до Северо-Западной Индии.

Таким образом, один и тот же расовый тип будет представлен в археологическом отношении различными культурами, обнаруживающими очень большой комплекс культурных связей.

Рассмотрим теперь основной археологический материал Памира и попробуем установить направление возможных культурных связей.

Общие определения материала, накопленного во время четырех сезонов полевых исследований высокогорья, уже даны [25; 26; 28; 29; 31]. На Памире можно выделить следующие хронологические этапы, представленные далеко не равномерно.

1. Отдельные находки, предположительно палеолитические (мустье, верхний палеолит?). Представлены изделиями из Уй-Су, Мургаба, Чеш-Тепе. Материала слишком мало, чтобы дать более уверенное его определение.

2. Группа стоянок по правому борту Аличурской долины, которая также условно отнесена к концу верхнего палеолита, близкого к палеолиту сибирского типа. Столь же вероятно мезолитический возраст аличурских стоянок.

3. Основная группа памятников, датированная эпохой мезолита — раннего неолита (в свете последних исследований и терминологических разработок правильнее, очевидно, называть эту группу мезолитом). Радиоуглеродная дата, полученная для этой группы на стоянке Ошхона, — мезолитическая 9530 ± 130 (Рул — 187).

4. Микролитовидная культура позднего неолита или энеолита. Представлена также небольшим числом открытых местонахождений и культурными горизонтами скальных убежищ Шахты и Куртеке.

Ниже приводится краткая характеристика двух основных групп (второй и третьей), которые представляют, на наш взгляд, два разновременных (?) этапа одной археологической культуры, которую мы предлагаем назвать маркансуйской культурой¹⁰.

Главной особенностью маркансуйской культуры является очень хорошо выраженное одновременное существование двух разных технических традиций обработки камня. Первая характеризуется еще совершенно палеолитическими приемами раскалывания и вторичной обра-

¹⁰ По названию р. Маркансу, в долине которой расположена главная стоянка этой культуры — Ошхона.

ботки, тогда как вторая близка к пластинчатой технике в ее «микролитомидном» варианте.

Такое сочетание хорошо известно в ряде культур Азии [29, 23; 14, 19—20], но нигде это сосуществование палеолитической и мезо-неолитической техники не проявляется так четко и определенно, как в памятниках каменного века Памира. Добавим, что орудия первой группы сделаны исключительно из грубых пород, второй, — за редким исключением, из кремня. Процентное соотношение обеих групп для всего памирского материала еще не подсчитано, но в предварительном плане можно считать, что пластинчатый кремневый элемент на стоянке Ошхона вряд ли занимает более 8—10% ко всему инвентарю.

Краткую характеристику памирского материала можно дать следующим образом.

Основную часть сборов представляют отщепы и грубые пластины. Размеры чаще всего до 5 см, но среди заготовок немало и крупных — от 5 до 10 см длины. Настоящие пластинки правильной огранки имеются только среди изделий, добытых во время раскопок.

Однако о существовании пластинчатой техники свидетельствуют довольно частые находки нуклеусов микролитомидного облика, с которых подобные пластинки могли сниматься.

Основная же часть заготовок снималась с нуклеусов метаморфических пород крупных размеров (до 20—25 см в диаметре). И хотя подлинных дисковидных нуклеусов среди ядрищ Памира встречается не так много, другие формы (шаровидные, многоплощадочные, невыработанной формы, галечные нуклеусы) принципиально стоят ближе к дисковидным, нежели к призматическим нуклеусам, и имеют характерно изломанный рабочий край, который, как и в дисковидных нуклеусах, служил отбивной площадкой.

Следует также отметить очень архаичный, палеолитический облик ударных площадок заготовок — преобладают гладкие прямые или скошенные широкие ударные площадки, наклоненные к поверхности скалывания под углом 100—110°. Реже встречаются изогнутые, напоминающие мустьерские, но неретушированные ударные площадки. У последних упомянутый угол ближе к прямому — 90—100°.

Наиболее характерными орудиями памирских стоянок являются концевые скребки. Очень хорошая серия этих орудий получена на Ошхоне. Они в основном изготовлялись из грубых пластин высокого сечения подтреугольной формы и, по-видимому, вставлялись в костяные рукоятки — об этом свидетельствует тщательная подправка с одной или двух длинных сторон орудия. В подавляющем большинстве случаев рабочая часть скребка шире тыльной. Наиболее крупные скребки имеют длину 4—3,5 см, мелкие — до 1 см. Мелкие округлые скребочки мезолитического типа есть, но встречаются очень редко. Менее развиты скребки на отщепах. Единичными представлены «скребки высокой формы».

Другой тип скребков иногда концевых, иногда боковых лучше всего представлен в Аличуре. Они крупнее, массивнее, не имеют затупливающей ретуши с боков. Менее тщательно обработан и рабочий край этих орудий.

Крупные скребла встречаются реже, но составляют заметную деталь инвентаря стоянок. Лучшие из них изготовлены из крупных отщепов или расколотых галек и тщательно отретушированы по краю. Встречаются экземпляры с полностью обработанной спинкой.

Среди других орудий — остря, проколки, в том числе с выделенными мелкой ретушью плечиками, пластинки и отщепы с выемками

(однако количество и процентное отношение последних не может идти ни в какое сравнение с широким распространением подобных орудий в равнинной части Средней Азии и др.). Загадочным является присутствие хорошо обработанных струйчатой ретушью мелких наконечников стрел. Такие стрелы получены непосредственно из культурного слоя Ошхоны, в том числе со II горизонта, который и дал упоминавшуюся выше радиоуглеродную дату. Как показывают недавние находки на Атае, в Усть-Семинском поселении на реке Катунь [18, 216—217], подобные стрелки встречаются в донеолитических комплексах не только на Памире.

Подчеркнем также, что для маркансуйской культуры и для всех памятников Памира в целом совершенно не характерно применение крутой затупливающей ретуши и орудий геометрических форм (трапеции, сегменты), приемов, столь обычных при изготовлении орудий в равнинной части Средней Азии и на Ближнем Востоке.

Следовательно, маркансуйская культура Памира представляет собой вполне самостоятельное явление, характеризующееся преобладанием специфических приемов обработки камня. Эта культура возникла и сформировалась где-то вне Памира, но экологические условия высокогорья, с которыми племенам маркансуйской культуры пришлось столкнуться на Памире, наложили на каменный инвентарь маркансуйской культуры определенные, присущие только ей, специфические особенности.

Определенные еще в 1956 г. направления культурных связей (Алтай, Забайкалье, Восточная Сибирь, Монголия) [23] показывают, что аналогии памирским памятникам надо искать скорее на востоке, чем на западе [ср. 18, 215—217]. Вместе с тем ответить конкретно, откуда же пришли на Памир носители мезолитической маркансуйской культуры, очень трудно.

Прежде всего мы не можем сейчас выявить те специфические особенности, которые появились в каменном инвентаре маркансуйцев на Памире, и должны поэтому считать, что весь этот инвентарь служил указанным племенам в том же облике и том же наборе орудий в исходной точке движения. Нельзя исключать того, что в новых условиях жизни, пользуясь местными материалами для изготовления орудий и приспособляясь к существующему на новом месте окружению, древний человек сохраняет традиционные технические приемы обработки камня и создает новые приемы. Появляются орудия, присущие данному месту, т. е. в данном случае памирскому высокогорью. Если справедливо подобное предположение, которое очень трудно и доказать и полностью опровергнуть, поиски исходного ареала обитания маркансуйских племен обречены, казалось бы, на неудачу.

Единственный возможный путь, имеющийся сейчас в нашем распоряжении, это считать, что типологически сходные формы говорят об общем генетическом родстве и что в разных экологических условиях традиция изготовления основного комплекса орудий археологической культуры остается в целом неизменной.

На рис. 4 показаны основные памятники Памира и окружающих его районов (верхний палеолит — ранний неолит).

Все эти памятники можно по степени сходства с маркансуйской культурой разделить на две группы:

А — памятники пластинчатой культуры мезолитического и неолитического времени, инвентарь которых обнаруживает мало элементов, могущих быть непосредственно сопоставленными с орудиями маркансуйской культуры — Ходжа-Гор (верхний палеолит), Туткаул (III),

Ак-Танги (мезолит-неолит), материал Ферганских стоянок, Ташкумыр (мезолит).

Б — памятники, в которых пластинчатая техника не является преобладающей; распространены архаичные палеолитические приемы, в частности, галечная техника — Самаркандская стоянка, Сусамыр (верхний палеолит), Обишир (мезолит), памятники гиссарской культуры (неолит). Данные по Ак-Купруку (Северный Афганистан) опубликованы лишь предварительно, на этом памятнике мы остановимся ниже. Сложным является определение культурной принадлежности первых памятников, открытых на Чатыркельских сыртах. Наряду с хорошо выраженными чертами сходства с памирским материалом, на стоянке Терек-I пластинчатые заготовки играют значительную роль.

Сходство маркансуйской культуры с гиссарскими памятниками Южного Таджикистана подчеркивалось неоднократно [31]. Вместе с тем хронологические рамки гиссарской культуры, как они представлялись до раскопок в Туткауле (IV—III тысячелетия до н. э.), позволяли представить лишь один вариант — маркансуйская культура предшествует гиссарской и представляет один из важнейших компонентов ее формирования. В последние годы благодаря многолетним раскопкам автора выяснилось, что генезис гиссарской культуры представляется значительно более сложным. Основной «гиссарский» неолитический горизонт Туткаула имеет две радиоуглеродные даты: из кровли II горизонта — 7100 ± 140 лет (ЛЕ-690), из основания — 8020 ± 170 лет (ЛЕ-772). В инвентаре отмечается большое сходство с памирским, но в плане техники раскалывания, тогда как набор орудий резко отличен. Это можно объяснить не только хронологическим разрывом в датировке памятников, но и разной экономической их основой (в Туткауле — примитивное земледелие и скотоводство, на Памире — охота). Два других горизонта Туткаула отнесены к мезолиту. Слой 2-A на основании археологических данных датируется VII (а может быть, и VIII) тысячелетием до н. э. Следующий, самый древний горизонт Туткаула — X—XI тысячелетиями до н. э. Последний демонстрирует близкое сходство с натуфийской мезолитической культурой Ближнего Востока и не представляет для нас непосредственного интереса. Слой 2-A, который может быть одновременным памирским материалом, заслуживает специального рассмотрения.

В этом горизонте значительную часть инвентаря составляют орудия, выполненные в хорошо известной на западе Средней Азии и Ближнем Востоке манере «затупленной спинки» — в частности, прямые или изогнутые острия и сегменты. Подобной техники, как показано выше, на Памире нет. В то же самое время здесь широко развита галечная техника, присущая гиссарской культуре и распространенная в различном своем проявлении в маркансуйской и более поздних культурах Памира. Крупные, сравнительно широкие пластины правильных очертаний, но не ножевидные, а скорее мустьерского облика, очень напоминают подобные заготовки верхнепалеолитической стоянки в городе Самарканде. Точно такие же пластины и концевые скребки найдены нами осенью 1968 г. на новой, обследованной только предварительно, верхнепалеолитической стоянке Шугноу в Придарвазье. Этим определяется местный генезис гиссарской культуры, предшественником основной (неолитической) группы памятников которой является мезолит типа горизонта 2-A Туткаула, вырастающий в свою очередь из верхнепалеолитических памятников самаркандской группы. Следует отметить также, что Шугноу является наиболее близко расположенной к Памиру верхнепалеолитической стоянкой.

Из Ферганских стоянок интересны навесы Обишир I и V. К сожалению, пока мы не располагаем другими сведениями, кроме доклада У. Исламова¹¹. Обиширская культура характеризуется сочетанием микролитической пластинчатой техники (микропластинки с ретушью, микроскребки), но без использования затупливающей ретуши и техники, очень близкой к той, которая бытовала в маркансуйской культуре и которая может быть сопоставлена с «гиссарским элементом» Туткаула. Она характеризуется также применением дисковидного и многоплощадочного нуклеусов, использованием крупных пластин палеолитического облика, употреблением (хотя и редким) галечных орудий. Очень напоминают памирские торцовые нуклеусы Обишира, сходство можно увидеть и в концевых скребках. Одним словом, обиширский материал имеет наибольшее сходство с Ошхоной и другими памятниками маркансуйской культуры из всех известных автору стоянок Средней Азии.

К сожалению, отсутствие на сегодняшний день точной археологической и радиоуглеродной даты затрудняет использование материалов Обишира для решения вопроса о заселении Памира.

Интересные, но немногочисленные находки обнаружены Палеолитическим отрядом КАЭ во Внутреннем Тянь-Шане. В западной части долины Сусамыр открыта стоянка Арчолы и несколько отдельных точек. На первый взгляд, орудия имеют палеолитический облик, большая часть находок напоминает мустьерские пластины. Вместе с тем определенное сходство с крупными пластинами и отщепами маркансуйской культуры бесспорно. Похоже, что некремневая индустрия Сусамыра принадлежит тому же высокогорному пласту культур каменного века Средней Азии, что и маркансуйская, хотя они могут быть отделены друг от друга значительным хронологическим промежутком.

В районе озера Чатыркель и на Аксайских сыртах известно теперь 5 пунктов. Два из них открыты геологом Ш. А. Кыдыровым на оз. Чатыркель в 1963 г. и три нами (Сары-Имек, Терек I—II в долине р. Терек — левом притоке Аксая). К ним примыкает и стоянка Кочкоракджол в долине реки Арпы. Все они принадлежат одной культуре и, очевидно, близки по времени. Наиболее хорошо эта культура представлена в стоянке Терек I. Из 176 предметов, собранных здесь, правильные ножевидные пластинки занимают 10%. О их значительном распространении свидетельствуют и нуклеусы правильной огранки (в основном — в обломках: в том числе и тонкие, карандашевидные). Среди других изделий можно выделить: округлые концевые скребки на отщепах, выемчатые орудия, с небольшими выемками, обработанными очень мелкой ретушью, отщепы с небольшими участками, обработанными мелкой ретушью. Единичными предметами представлены орудия с резцовыми сколами, резчики, долота. Сравнение с памирскими коллекциями затруднено прежде всего из-за различного материала, лежащего в основе изготовления орудий — на стоянке Терек I и других пунктах Чатыркеля и Аксая орудия изготовлялись из превосходного по качеству кремня, тогда как на Памире резко преобладает менее пластичный материал — кварцитовидный песчаник (филлит). В результате тяньшаньские коллекции имеют более выраженный «пластинчатый» облик. Вместе с тем ряд моментов в технике раскалывания и форме орудий вполне сопоставимы с маркансуйскими коллекциями. Представляется, что Терек I значительно моложе и представляет таким образом локальную аксайскую культуру эпохи неолита, по-видимому, бескерамического. Находки же Ш. А. Кыдырова у Чатыркеля стоят ближе к Ошхоне как хронологически, так и типологически.

¹¹ 3.4.68. Сектор палеолита ЛОИА.

Следует заметить, что новый район неолитических памятников в Киргизии выглядит пока изолировано и не может быть связан со значительно более микролитоидными памятниками Центральной Ферганы. Внимания, бесспорно, заслуживают новые открытия в Восточном Синцзяне, где обнаружена пластинчатая культура [10], близкая к старым, значительно менее компактным находкам этого района [49]. Интересно, что здесь, как и во многих других областях Азии, исследователи могут столкнуться с существованием двух типологически различных памятников — с пластинчатой техникой, выраженной в кремневом материале, и значительно более грубой и арханчной, близкой к гиссарской культуре Средней Азии — некремневой. О такой возможности говорят известные находки на реке Аксу [63].

Рассмотрим теперь наиболее близко расположенные или имеющие определенный интерес для сравнения палеолитические и мезолитические памятники зарубежных стран.

Среди палеолитических и мезолитических памятников Афганистана (Кара-Камар, Дарай-Кур, Дарай-Калон, Ак-Купрук) отмечается пласт культур, имеющий бесспорное сходство с переднеазиатскими памятниками этого времени [53, 58], которые характеризуются развитием пластинчатой индустрии и нуклевидных форм и противопоставляются нами непластинчатой индустрии палеолита и мезолита «азиатского типа» [30]. Среди этих культур, опубликованных к тому же в самых общих чертах, трудно найти аналогии памирским материалам. Однако, синхронно переслаиваясь во времени, в Афганистане присутствуют и культуры, близкие по своему характеру к самаркандской и гиссарской культурам Средней Азии (II горизонт Кара-Камара, IV и V горизонт Дарай-Калон, находки советского геолога А. А. Никонова в устье реки Кокча). Они известны еще менее, но именно эти индустрии, которые, по всей очевидности, родственны указанным культурам Средней Азии, могут дать определенные аналогии орудиям маркансуйской культуры.

В Пакистане следует остановиться на двух памятниках: навесах Галичай и Сангао. Первый расположен между Мингора и Барикотом в узкой части долины р. Сват. Оббитые гальки и отщепы встречаются в горизонтах 16—24, причем только в 24-м без керамики. Автор видит в них такие орудия, как грубые ручные рубила, кливеры, дисковидные и галечные нуклеусы и т. д., находя типологическую близость всего комплекса к чопперам и чоппингам соанской культуры [66]. Такая трактовка каменного материала навеса Галичай очень интересна для многих аспектов исследования каменного века Средней Азии. Однако только 3 фотографии содержат грубообработанные гальки [66, фиг. 28, 30 и 39]. Остальные экземпляры не имеют бесспорных следов обработки¹².

Из трех периодов, на которые автор раскопок разбивает стратиграфически и типологически каменные орудия пещеры Сангао [56] (отроги гор Тахт-Бахи в хребте Малаканд), I и II относятся к среднему каменному веку Индии или к среднему палеолиту [34; 47]. III — к одному из этапов послепалеолитических культур Пакистана, вероятно к неолиту.

К сожалению, очень плохо изданные орудия (главным образом из кварца) затрудняют необходимые сопоставления. Вместе с тем ряд элементов в характере отщепов, дисковидных нуклеусов, языковидных концевых скребков, боковых скребел и т. д. как будто бы позволяет

¹² По мнению А. Дани и Ф. Кхана, которые видели коллекции из Галичая, галечные орудия, выделенные Ж. Стагулем, не несут на себе следов преднамеренного раскалывания (личное сообщение).

найти определенное сходство с маркансуйским инвентарем. Во всяком случае, послемустьерский слой Сангао принадлежит к азиатскому кругу культур. Будем надеяться, что подробная, а главное, квалифицированная публикация материалов этого важного для нас памятника даст новую пищу для более основательных суждений по вопросу, затронутому в данном разделе.

Поздние стадии соанской культуры, которые соответствуют верхнему палеолиту и мезолиту, известны очень мало. К ним можно отнести такие местонахождения как Док-Патхан, Пиндигхейб, Котах, Моргах VII в бассейне реки Соан в Пенджабе [55; 62], стоянку близ Кангара на р. Банганга [61]. В какой-то мере к этой группе относятся и поздненеолитическая стоянка Бурзахом у Сринагара¹³, а также единичные находки у Дарджилинга [47; 57].

В этих памятниках можно отметить определенное сходство с гиссарской и маркансуйской культурами, так как здесь долго и прочно сохраняются традиции обработки галек — «галечная техника», во многом являющаяся основой и позднесоанской культуры. Об этом сходстве пишет и С. П. Гупта [9, 113]. Пока, правда, для конкретных аналогий материала еще нет, так как мы располагаем лишь очень беглыми описаниями нескольких ведущих форм небольшого количества памятников. Очень вероятно, что более углубленные исследования в Северо-Западной Индии приведут к открытию памятников, сходных со среднеазиатскими, во всяком случае, в районе вдоль подножий южных склонов Гималаев.

Несмотря на то что находки в Тибете представлены лишь единичными предметами, судя по упоминавшейся публикации, они обнаруживают близкое сходство с орудиями маркансуйской культуры. Действительно, и скребки на отщепках [54, рис. 3, 8] и галечные орудия-чоппинги [54, рис. 4, 5], и галечный нуклеус, и даже микронуклеус могут легко найти аналогии в коллекциях многих стоянок Памира. Нет сомнения в том, что дальнейшее накопление фактов будет увеличивать доказательства сходства памятников каменного века Памира и Тибета.

Значительно сложнее обстоит дело с характеристикой памятников, известных в Сино-Тибетских горах. Нам уже приходилось писать об этом [37]. Тем не менее, из указанных публикаций можно получить представление о том, что на восточном склоне Тибета была распространена культура, характеризующаяся преобладанием орудий из галек или крупных отщепов с частично ретушированными участками. Совершенно отсутствует «пластинчатая техника». Все это дает нам известное основание включить стоянки верховьев Ялунцзяня и долины Тао-Ту в зону послепалеолитических культур «азиатского типа», одной из которых является высокогорная маркансуйская культура.

Итак, мы рассмотрели очень бегло ближайшую к Памиру археологические памятники. Из этого обзора можно сделать, как кажется, три главных вывода: 1) вне Памира нет культуры, идентичной во всех аспектах сравнения маркансуйской культуре Памира; 2) вместе с тем ряд памятников (Обишир, Арчалы, Туткаул II, Сангао, Тибетские стоянки и т. д.) обнаруживают ряд типологических черт сходства. Отвлекаясь от хронологических моментов, можно предположить возникнове-

¹³ Интересно, что недавние поиски Г. Мохпатры в Кашмире не принесли находок древнее неолита бурзахомского типа, что приводит автора работ к заключению о бесполезности поисков памятников старше завершения последнего оледенения Кашмирской долины [61, 51]. Нам такой вывод кажется несколько преждевременным.

ние или трансформацию маркансуйской культуры из одной или нескольких культур этого типа; 3) хотя в данной статье нас интересует вопрос заселения высокогорий Памира, т. е. движение снизу вверх, приведенный обзор показывает, какие богатые возможности открывает обратное движение — в частности, обширская и гиссарская культуры могли формироваться под сильным влиянием маркансуйской, которая, очевидно, им предшествует.

Нам остается теперь рассмотреть лишь непосредственные пути, по которым могли проникнуть на Памир племена каменного века. В свете приведенных аналогий это дороги, связывающие Памир с Таджикско-Афганской депрессией, Ферганой, Западным Пакистаном, Индией, Синцзянем и Тянь-Шанем. Эта задача в значительной степени облегчается обстоятельной работой А. Н. Зелинского, рассмотревшего все главные торговые пути Памира исторического периода [11].

Дорога на Запад — в Таджикско-Афганскую депрессию, по мнению А. Н. Зелинского, имела два разветвления: Шугнанский путь — Ташкуртан — Аличур — Гунт — озеро Шива — Файзабад — Балх. Ваханский путь — Ташкуртан — Вахан — Ишкашим — Зебак — Файзабад — Балх. Несмотря на ряд трудных мест, допустимо считать, что этот маршрут мог быть пройденным и людьми каменного века. Труднее предположить движение по правому берегу Пянджа — через Рушан — Ванч — Калайхумб, вкрест простираения Бартанга, Язгулема, Ванча. Даже позже в историческое время здесь караванные пути не проходили. Наиболее близко расположенные пункты с находками каменного века — район Файзабада в Афганистане и Шугноу в верховьях Яхсу. Грубо обитая галька и массивный отщеп, извлеченные геологом А. А. Никоновым из верхней части обреза 27-метровой террасы в устье р. Ванч, не могут, к сожалению, быть бесспорным доказательством освоения долины Пянджа человеком каменного века. Известные на сегодняшний день исследователями пункты каменного века начинаются лишь восточнее меридиана, проходящего через восточную окраину оз. Яшилкуль.

Остается открытым и вопрос о возможном пути через Алайскую долину, Ляхш, Каратегин в Гиссар. Этот путь до самого недавнего времени считался очень сложным для караванов. Наиболее восточная точка местонахождений каменного века на этой трассе — район курорта Обигарм, где автору в 1965 г. удалось собрать несколько отщепов гиссарского облика. Вполне можно ожидать, что и долина реки Хингоу могла быть заселена уже с древнейших времен — об этом свидетельствуют недавние открытия в районе Шугноу.

Вместе с тем разведки, проведенные А. Х. Юсуповым в Ляхше и по Сурхобу до Таджикибада, не принесли положительных результатов (1964 г.).

Индия, Пакистан. В историческое время здесь большую роль играла долина Вахана, через которую можно попасть в верховья Ярхуна и далее в Читрал или долину Свата. Другое направление через верховья Аксу и перевал Мингтеке вело к Кунджуту и Гилгиту. Все авторы, описывавшие перевалы через Гиндукуш и Каракорум (Барогиль, Килик-Даван, Мингтеке), отмечают большие трудности их преодоления. Сложность этого пути дополняется необходимостью форсировать водные преграды, проходить многочисленные осыпи и теснины, в которых в настоящее время путь идет по оврингам. Как и в первом случае, пока нет никаких следов стоянок каменного века между средним течением Свата в Западном Пакистане (навес Сангао) и низовьями Аксу (Каратумшук I, II) на Памире. Поэтому движение племен каменного века в

этом направлении можно только предполагать, опираясь хотя бы на вероятное движение саков Памира этим путем [17].

Тибет. Еще более сложно реконструировать возможные пути, связывавшие в эпоху каменного века Памир и Тибет — последние не были выработаны даже в античное время. Наиболее возможны два направления — одно через Вахан, Канджун, Балтистан и Ладак, другое вдоль северных отрогов Куньлуна на Гума, перевал Каракорум, Кашмир, Ладак или же через один из более восточных перевалов — непосредственно в Чангган. В обоих случаях маршруты являются труднопроходимыми. Реальных данных для их обоснования в нашем распоряжении пока нет.

Синцзян. Наиболее близкой к Памиру является область Синцзяня, куда ведут сравнительно легкие перевалы через Сарыкольский хребет (особенно по Кызыл-Су — Маркан-су или Иркештам — в северной части страны). К сожалению, очень слабая изученность северо-западного Китая в целом не дает нам возможности связать маркансуйскую культуру с одной из крупнейших впадин Центральной Азии. То, что известно для пустыни Такла-Макан и ее окраин (в основном восточная часть по старым работам А. Стейна, Ф. Бергмана), не может служить основанием для подобной связи — здесь имеется кремневая индустрия, очень скупо охарактеризованная, безусловно, позднепалеолитического характера [65]. Чен-Те-Кун считает, что материалы Китайско-Шведской экспедиции, среди которых выделяются сборы на местонахождении Сингер в Куругтаге, принадлежат к широко трактованной мезо-неолитической гоббийской культуре, охватывающей огромные пространства пустынной части Центральной Азии [51]. Имея некоторые точки соприкосновения, гоббийская культура в ее западном варианте, очевидно, моложе маркансуйских памятников. Кроме того, на облике каменных индустрий Памира и Синцзяня отражаются различные экологические условия. По-видимому, исследователям придется ждать того времени, когда с достаточной полнотой будет обследовано северное горное обрамление Таримской впадины. Упомянувшиеся находки «галечной культуры» на Аксу дают некоторую надежду, что именно здесь, может быть, встретятся памятники, близкие к Маркансу.

Фергана. Ферганский путь, связывающий Памир с Обиширом, хорошо известен по историческим источникам. Из Алайской долины через перевалы Терек-Даван или Талдык на Суфи-Курган, Гульчу и Ош. Труднее, но также возможно пройти и через перевал Тенгизбай по Исфайрам-Саю. Последняя дорога заманлива тем, что на южном спуске с перевала Тенгизбай в районе Дарауткургона в 1956 г. было открыто несколько местонахождений каменного века с материалом, близким к памирскому и гиссарскому [23].

В 1968 г. Палеолитическим отрядом КАЭ под руководством автора было предпринято обследование долины реки Гульча от подножия перевала Талдык до села Лянгар близ поселка Гульча. Была осмотрена серия террас по рекам Караколу и Гульче, пещеры в районе Ак-Босого (Караджилг-Ункур, Шараджилга-Ункур) и у Суфи-Кургана (Кара-Ункур). Небольшие по масштабам, но напряженные поиски успеха не принесли. Негативный результат наших работ объяснить достаточно трудно, так как отрядом были зафиксированы отдельные находки в долине Ак-Буры у Папана и пещерная стоянка Сасык-Ункур у Аравана. Таким образом, подтверждено высказывавшееся уже предположение о том, что район города Ош был заселен в эпоху каменного века. Превосходно выраженные террасы р. Гульча, хороший поделочный камень, не говоря уже о былых возможностях для охоты, — все это сви-

детельствует, что рано или поздно памятники каменного века на этой территории должны быть найдены¹⁴.

Тянь-Шань. Под этим названием в данном месте рассматривается внутренний Тянь-Шань или Тяньшаньская область. На сегодняшний день здесь известны следующие памятники: Он-Арча недалеко от Нарына, находки на перевале Четинды и урочище Кошбулак, Кочкорджол в долине Арпы, стоянки у озера Чатыркель и на реке Терек. Только чатыркельские пункты, и то очень условно, совпадают по времени с основной группой памятников Памира. Циркуляция между интересующими нас районами могла осуществляться как через перевалы в Ферганском хребте, так и кружным путем, по долине Маркан-су — Кызыл-Су на Кашгар и далее по долине Торугарта. Как уже отмечалось, промежуточных пунктов и тут нет.

Итак, основной проблемой, с которой сталкивается исследователь, взявшийся за решение вопроса о вероятных путях, по которым могло проходить заселение Памира, является почти полная неизученность внешней горной зоны — узких, сильно врезанных горных ущелий, которые всюду в описанных районах Азии ведут к высокогорным плато, на которых разворачивалась (на самых высоких гипсометрических отметках в мире) деятельность племен маркансуйской и близких к ней культур.

До сих пор остается в силе представление о близком сходстве маркансуйской культуры и многих памятников сибирско-монгольской области. Но конкретно-историческое выражение этого сходства не может быть еще обосновано с необходимой полнотой. Эта задача будет решаться в течение долгих лет, пока трудами многих поколений исследователей не будут уничтожены белые пятна на археологических картах сегодняшнего дня. И одна из самых сложных задач выпадает на долю тех, кто возьмет на себя нелегкий труд исследовать внешнюю горную зону Средней Азии.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Агаханянц О. Е., К проблеме эволюции климатов Памира, — «Труды Памирской биостанции», т. 2, 1963.
2. Агаханянц О. Е., Основные проблемы физической географии Памира, Душанбе, 1965.
3. Агаханянц О. Е., Пахомов М. М., Трофимов А. К., К палеогеографии Памира в голоцене, — «Известия ВГО», 1964, т. 96, вып. 6.
4. Бернштейн А., Человек в условиях среднегорья, Алма-Ата, 1967.
5. Бутомо С. В., Ранов В. А., Сидоров Л. Ф., Некоторые вопросы исследования каменного века Памира, — «Советская археология», 1964, № 4.
6. Виноградов А. В., Неолит Кызылкумов, — «Проблема археологии Средней Азии», Л., 1968.
7. Гинзбург В. В., Антропологическая характеристика саков Южного Памира, — КСИИМК, 1960, вып. 80.
8. Григорьев Г. П., Начало верхнего палеолита и происхождение Homo Sapiens, Л., 1968.
9. Гупта С. П., Обзор современного состояния первобытной археологии Индии в свете новых открытий в Средней Азии, — «Советская этнография», 1968, № 4.
10. Заднепровский Ю. А., Неолит Центральной Ферганы, — КСИА, 1966, вып. 108.
11. Зелинский А. Н., Древние пути Памира, — «Страны и народы Востока», вып. 3, 1964.

¹⁴ Кандидат географических наук Л. Ф. Сидоров в личной беседе высказал предположение, что стоянки каменного века не найдены в Алае по той причине, что террасы раннеголоценового времени, с которыми должны быть связаны охотничьи лагеря маркансуйцев, в настоящее время полностью переработаны, так как на первую половину голоцена падает основной взрез современной долины реки Гульчи.

12. Кларк Грехем, Доисторическая Европа, М., 1953.
13. Коробкова Г. Ф., Культура Средней Азии эпохи мезолита и неолита. Проблемы археологии Средней Азии.
14. Коробкова Г. Ф., Ранов В. А., Неолит горных районов Средней Азии,— Проблемы археологии Средней Азии.
15. Коровин Е. П., Растительность Средней Азии и Южного Казахстана, кн. I, Ташкент, 1961.
16. Костенко Н. П., Особенности строения четвертичных отложений горных долин,— «Материалы Всесоюзного Совещания по изучению четвертичного периода», т. 3, М., 1961.
17. Литвинский Б. А., Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности,— «XXV Международный Конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР», М., 1960.
18. Окладников А. П., К вопросу о мезолите и эпилеолите в Азиатской части СССР,— «Материалы и исследования по археологии СССР», М.—Л., 1966, № 126.
19. Окладников А. П., Ранов В. А., Каменный век,— «История таджикского народа», т. I, М., 1963.
20. Ошанин Л. В., Иранские племена Западного Памира, Ташкент, 1937.
21. Потапов Р. Л., Птицы Памира,— «Труды Зоологического института», 1966, т. XXXIX, М.—Л.
22. Пэй Вэнь Чжун, Более быстрыми темпами развивать палеоантропологическую науку в Китае,— «Вопросы антропологии», 1960, вып. 4.
23. Ранов В. А., Находки каменного века в Алайской долине,— «Труды Института истории АН КиргССР», 1958, вып. IV.
24. Ранов В. А., Первые памятники каменного века на Памире,— «Материалы II Всесоюзного Совещания археологов и этнографов Средней Азии», М., 1959.
25. Ранов В. А., Стоянка Каратумшук,— КСИИМК, 1960, вып. 80.
26. Ранов В. А., Изучение памятников каменного века на Восточном Памире в 1958 г.,— «Труды Института истории АН ТаджССР», 1961, т. 27.
27. Ранов В. А., Рисунки каменного века в гроте Шахты,— «Советская этнография», 1961, № 6.
28. Ранов В. А., Стоянка на озере Кара-Куль,— «Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР», 1962, вып. 1/28.
29. Ранов В. А., Раскопки памятников первобытнообщинного строя на Восточном Памире в 1960 г.,— «Труды Института истории АН ТаджССР», т. 34, 1962.
30. Ранов В. А., Каменный век Таджикистана, Обобщ. доклад, Душанбе, 1963.
31. Ранов В. А., Итоги разведок памятников каменного века на Восточном Памире (1956—1958 гг.),— «Материалы и исследования по археологии СССР», М.—Л., 1964, № 124.
32. Ранов В. А., Каменный век Таджикистана, вып. I. Палеолит, Душанбе, 1965.
33. Ранов В. А., Главные вопросы изучения палеолита Средней Азии. Основные проблемы изучения четвертичного периода, М., 1965.
34. Ранов В. А., Новые работы по каменному веку в Западном Пакистане,— «Вопросы антропологии», вып. 25, 1967.
35. Ранов В. А., Древние оледенения и челюбок каменного века в Средней Азии. Успехи Советской гляциологии, Фрунзе, 1968.
36. Ранов В. А., О возможности выделения локальных культур в палеолите Средней Азии,— «Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР», вып. 3(53), 1968.
37. Ранов В. А., Сидоров Л. Ф., Развитие природы Памира как среды существования человека,— «Страны и народы Востока», вып. IV, М., 1965.
38. Рерих Ю. Н., Кочевые племена Тибета,— «Страны и народы Востока», вып. II, М., 1961.
39. Рычков Ю. Г., Происхождение расы среднеазиатского междуречья,— «Научные труды Ташкентского государственного университета», вып. 235, 1964.
40. Сидоров Л. Ф., Развитие растительного покрова Памира в послеледниковое время,— «Ботанический журнал», 1963, т. 48, № 5.
41. Сидоров Л. Ф., Потапов Р. Л., К истории лесов Памира и прилегающих областей в позднечетвертичное время,— «Ботанический журнал», 1965, т. 50, № 6.
42. «Средняя Азия. Физико-географическая характеристика», М., 1968.
43. Станюкович К. В., С какой скоростью меняется природная обстановка на Памире? — «Известия ВГО», 1965, т. 97, № 1.
44. Формозов А. А., Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке, М., 1959.
45. В. М. Чулахин, Физическая география Тянь-Шаня, Алма-Ата, 1964.
46. Юсов Б. В., Тибет, М., 1958.
47. Allchin B. and R., The Birth of Indian Civilization, London, 1968.
48. Au schnaiter P., Prehistoric Sites Discovered in Inhabited Regions of Tibet,— «East and West», 1956, vol. VII, № 1.

49. Bergman F., Archaeological Researches in Sinkiang Especially the Lop-Nor Region,— «The Sino-Swedish Expedition», Publ. 7, Stockholm, 1939.
50. Chêng Tê-K'un, Archaeological Studies in Szechwan, Cambridge, 1957.
51. Chêng Tê-K'un, Prehistoric China, vol. I, Cambridge, 1959.
52. Chêng Tê-K'un, New Light on Prehistoric China, Cambridge, 1966.
53. Coon C. S., The Seven Caves, New York, 1957.
54. Chin Chung-lang, Discovery of Paleoliths on the Tibet-Tsinghai, Plateau,— «Vertebrata Palasiatica», 1958, vol. 11, № 2—3.
55. Graziosi P., Prehistoric Research in Northwestern Punjab,— «Italian expeditions, Sci. Reports», V, vol. I, Leiden, 1964.
56. Dani A. H., Sanghao Cave Excavation,— «Ancient Pakistan», vol. I, Peshawar, 1964.
57. Das Gupta P. C., Archaeological Discovery in Darjeeling Himalaya,— «East Railway Magazine», 1967, t. 16, № 10.
58. Dupree L., The Prehistoric Period of Afghanistan,— «Afghanistan», 1967, vol. XX, № 3.
59. Edgar J. H., Prehistoric Remains in Hsikang or Eastern Tibet,— «Journal W. China Border Research Society», vol. 6, 1933—1934.
60. Hermanns M., Die Nomaden von Tibet, Wien, 1949.
61. «Indian Prehistory: 1964», Poona, 1965.
62. Paterson T. T., Drummond H. J. H., Soan — the Palaeolithic of Pakistan, Karachi, 1962.
63. Teilhard de Chardin P., Young C. C., On Some Neolithic (and Possibly palaeolithic) Finds in Mongolia, Sinkiang and West China,— «Bulletin of the Geological Society of China», vol. 12, № 1, 1932.
64. De Terra H., Hutchinson E., Evidence of Recent Climatic Changes Shown by Tibetan Highland Lakes.— «The Geographical Journal», 1934, vol. LXXXIV.
- 64a. Sankalia H. D., New Evidence for Early Man in Kashmir,— «Current Anthropology», 1971, vol. 12, № 4—5.
65. Smith R. A., The Stone Age in Chinese Turkestan,— «Man», 1911, vol. XI, № 6.
66. Stagul G., Excavations in a Rock Shelter near Ghaligai (Swat, W. Pakistan),— «East and West», New Ser., vol. 17, № 3—4, 1967.